

УДК 343.3

**СМЕРТНАЯ КАЗНЬ – НАКАЗАНИЕ ИЛИ РАСПРАВА:
О КОНЦЕПЦИИ ПРОФЕССОРА ИМПЕРАТОРСКОГО
КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА А.А. ПИОНТКОВСКОГО***Ф.Р. Сундуров***Аннотация**

В статье представлен обстоятельный анализ воззрений профессора Казанского университета А.А. Пионтковского (1862–1915) на смертную казнь как вид уголовного наказания. Обращается внимание на различные по характеру аргументы в пользу отказа от смертной казни, высказанные им в монографическом исследовании «Смертная казнь в Европе» (1908) и не утратившие своей актуальности в настоящее время.

Ключевые слова: ответственность, уголовный закон, наказание, смертная казнь, гуманизм.

Смертная казнь в уголовном праве – проблема, как говорится, вечная; уже несколько столетий она находит своих как сторонников, так и противников.

В современной России, как известно, установлен мораторий на применение смертной казни, однако она не исключена из перечня видов наказаний (ст. 44 УК РФ) и санкций ряда норм Особенной части УК РФ. В отношении смертной казни наблюдается правовая неопределённость: с одной стороны, Конституционный суд РФ признал практику неприменения смертной казни не противоречащей Конституции РФ, а с другой – законодатель не исключил её из УК РФ¹.

Несмотря на 10-летний мораторий на применение смертной казни, в обществе, в том числе и среди специалистов, звучат призывы в пользу применения смертной казни. В связи с этими обстоятельствами нам представляется целесообразным и полезным обратиться к концептуальному воззрению на смертную казнь Андрея Антоновича Пионтковского (1862–1915), ординарного профессора Императорского Казанского университета, специалиста по уголовному праву.

В монографическом исследовании «Смертная казнь в Европе» (1908) он обосновал цельную концепцию неприемлемости смертной казни, её исключения из уголовного права как особо распространённого орудия в «крайне тяжёлой, мрачной, забрызганной кровью» истории борьбы с преступностью, на страницах которой обычными фигурами были истязания, пытки и казни, они заполнены

¹ Можно было бы согласиться с мнением, что смертную казнь следовало предусмотреть только за некоторые преступления против военной службы, совершённые в военное время либо в боевой обстановке, однако в соответствии с частью 3 статьи 331 УК РФ уголовная ответственность за такие преступления должна определяться законодательством Российской Федерации военного времени, которое до настоящего времени не принято, что нельзя признать приемлемым, исходя тем более из современной международной обстановки.

стонами и страданиями жертв жестокого, с позволения сказать, правосудия (П, с. 179).

Будучи убеждённым гуманистом, А.А. Пионтковский писал, что «хотя с течением времени особенно выпуклые места этих страниц начинают бледнеть... тем не менее постановка борьбы с преступностью сохраняет и поныне много черт дикости и варварства. Эволюционный процесс освобождения от грубых исторических наслоений ещё не завершился; ещё до сих пор телесные наказания и смертная казнь продолжают влачить своё существование; ещё до сих пор тюрьма является в значительной степени не только школой порока и преступлений, но и местом земного ада» (П, с. 179).

Возникнув из обычая кровной мести как мести потерпевшего обидчику за себя и свой род, смертная казнь олицетворяла чрезвычайно репрессивную направленность уголовного законодательства вплоть до XIX в. При этом А.А. Пионтковский справедливо отметил, что «этот грубый способ расправы с преступниками пустил глубокие корни в народном самосознании², и с образованием государственного быта не исчез, а лишь применял иную, несколько более сложную форму. Государство, взяв в свои руки расправу с преступниками, заменило частных мстителей палачами, и смертная казнь не только не утратила своего первоначального значения, но стала, можно сказать, господствующим, общераспространённым карательным средством» (П, с. 179). «Грубость и дикость нравов, различного рода предрассудки в области религиозных верований и политических воззрений, бедность страны, классовая зависимость экономического и юридического свойства до рабства включительно, развитие и господство абсолютизма, – делает вывод он, – содействовали этому распространению, упрочению и широкому применению казни» (П, с. 179).

Смертная казнь фактически выступала универсальным средством карательного механизма, олицетворением карательной власти государства. Она применялась за крайне разнообразные преступные деяния, начиная от мелкой кражи и кончая ересью, колдовством, убийством или изменой. Угрозами применения смертной казни власти не скупались, а «казнь в крайне разнообразных формах, содействовавших усилению мучений и страданий на неё обречённых, расточалась без всякого сожаления. Подвергались казни не единицы, но тысячи, десятки тысяч.

И эта вакханалия, – писал А.А. Пионтковский, – с теми или иными интервалами, продолжалась вплоть до конца XVIII столетия: как бы заключительным аккордом её были ужасы Великой французской революции...» (П, с. 179–180).

Превалирование смертной казни в системе мер борьбы с преступностью, весьма широкое её распространение по миру представлялись А.А. Пионтковскому логическим результатом экономических, политических условий, в том числе бедности, классовой зависимости, а также грубости и дикости нравов, различного рода предрассудков в области религиозных верований и нравственности в целом.

В то же время он правильно усмотрел истоки нового, нарождавшегося направления в сфере борьбы с преступностью, в том числе и переосмысления

² Не является исключением и современная эпоха. – Ф.С.

социальной роли смертной казни в карательной политике государств. Условиями, не благоприятствующими смертной казни, подтачивающими её существование он назвал «рост буржуазного политико-экономического строя, повлёкший за собой раскрепощение личности и увеличение её ценности, развитие культуры и связанное с последней смягчение нравов» (II, с. 180).

Новые горизонты в уголовной политике были обозначены в конце XVIII столетия Чезаре Беккариа (1738–1794), итальянским юристом, гуманистом и просветителем, из-под пера которого вышла работа «О преступлениях и наказаниях» (1764), потрясшая Европу. По свидетельству А.А. Пионтковского, «стало крепнуть и развиваться аболиционистское течение» (II, с. 180). Постепенно разрастаясь, оно «начало вытеснять смертную казнь из системы мер борьбы с преступностью, вследствие чего положение смертной казни в системе этих мер в XIX веке резко изменилось: область применения смертной казни стала всё более и более сужаться, цикл преступных деяний, облагаемых ею, сокращаться, случаи фактического пользования ею уменьшаться; началось вымирание смертной казни» (II, с. 180).

«Ярко выступающий в эволюции европейского карательного механизма процесс вымирания смертной казни, – подчёркивал А.А. Пионтковский, – успел в течение XIX в. отвоевать у казни значительную часть принадлежавших ей прежде владений и окончательно освободив её от различного рода аксессуаров и мучительного свойства» (II, с. 241).

На основе анализа статистических данных о применении смертной казни в странах Западной Европы А.А. Пионтковский пришёл к выводу, что казнь в борьбе с преступностью выполняет «второстепенную, незаметную роль; услугами её пользуются за немногими крайне тяжёлыми исключениями, сравнительно редко; она существует больше в виде угрозы, чем фактически применяемой меры; отводимая ей территория относительно невелика; эта территория ограничивается, главным образом, особенно резкими формами проявления преступности» (II, с. 241).

«Казнью, – заключает А.А. Пионтковский, – пользуются, помимо применения её в военно-уголовном законодательстве, по преимуществу для борьбы с виновными в совершении особенно тяжких посягательств против личности и посягательств общественного и политического характера» (II, с. 241).

В пользу сохранения смертной казни её сторонники обычно ссылаются на то, что применение смертной казни препятствует росту и развитию преступности и ведёт к нейтрализации особо опасных преступников.

Подвергая критической оценке эти аргументы, А.А. Пионтковский подчёркивал: «Спору нет, казнь страшна; перспектива быть казнённым приводит в содрогание; кровь в жилах застывает; беспредельный, бесконечный ужас охватывает всё существо человека.

Но такое воздействие оказывает перспектива казни лишь на психику обыкновенного, мирного обывателя, склонного вообще сообразовывать свою деятельность с требованиями закона, <...> но не на психику закоренелых преступников или преступников-фанатиков, для удержания которых от преступных посягательств, главным образом, и стремятся сохранить казнь в карательном механизме» (II, с. 242).

Закоренелые преступники, в его понимании, «это лица, погрязшие в преступной деятельности, насквозь проникнутые антисоциальными инстинктами, с притуплённым или парализованным этическим чувством, – надлежащей восприимчивостью и соответствующей предусмотрительностью не отличаются. Они беспечны, слишком беспечны и самонадеянны... Они надеются от этих последствий ускользнуть. О казни, фактически редко применяемой, они не думают.

Если казнь их страшит и приводит в ужас (да и то не всегда), то только после постановки смертного приговора, перед его исполнением. Но этот страх и ужас являются запоздалыми. Они... не могут оказать никакой пользы делу общей превенции, не могут иметь какое-либо влияние на рост и развитие преступности» (П, с. 242).

«Точно так же, – считает А.А. Пионтковский, – не в состоянии казнь оказать какое-либо сдерживающее воздействие и на преступников-фанатиков, совершающих преступные деяния под влиянием властно охватившей всё их существо какой-либо идеи, будь то религиозного, будь то политического, будь то социального свойства; не в состоянии она парализовать решимость политических преступников вообще и подавить преступные замыслы террористов и анархистов в частности» (П, с. 242).

Обращает на себя внимание то, что А.А. Пионтковский глубоко проник в субъективный мир преступников-фанатиков. «Для такого рода преступников личное “я”, личные интересы, – указывает он, – не существуют. Они полны самоотречения. Их всецело охватывает служение определённой идее, во имя осуществления которой они готовы на всякие жертвы. Они спокойно жертвуют друзьями, спокойно приносят и себя в жертву. Их не интересуют и не беспокоят те кары, которые могут на них обрушиться. Их озабочивает лишь осуществление вознамеренного. Они не думают о тех личных опасностях, которые связываются с учиняемым ими преступным деянием, и нередко ради этого учинения явно обрекают себя на смерть. Они обыкновенно не отрицают своей вины и на суде гордо заявляют о совершённом как о каком-то подвиге. Они спокойно выслушивают смертный приговор, в большинстве случаев не подают просьб о помиловании и по-видимому геройски умирают на эшафоте» (П, с. 243).

«Устрашить и сдержать таких преступников перспективой казни, – делает вывод А.А. Пионтковский, – нельзя. Для них казнь – не что иное, как мученический венец, как великая награда за учинённые ими по их понятиям всё же малые дела. Она их не подавляет, а скорее возбуждает» (П, с. 243).

В анализируемой нами работе приводятся весьма характерные наблюдения тюремных духовников: из 511 осуждённых в ряде стран Европы к казни только 15 человек, то есть около 3%, никогда не были прежде свидетелями казни. Они «собственными глазами видели весь ужас смерти на эшафоте, и этот ужас оказался бессильным сдержать и подавить присущие им преступные вожеления» (П, с. 243).

Более того, судебной практике второй половины XIX в. были «известны случаи совершения преступных деяний, наказуемых казнью, палачами, совершавшими неоднократно акт казни, а равным образом случаи учинения такого рода деяний во время совершения акта казни присутствовавшими при этом совершении лицами; им известны случаи совершения преступных деяний, тождественных

деяниям, уже повлёкшим за собой смертную казнь, лицами, знавшими трагическую судьбу своих предшественников; <...> случаи нового совершения преступлений, наказуемых смертной казнью, лицами, уже присуждёнными к казни, но избавившимися по тем или иным обстоятельствам от смерти; им, наконец, известно немало случаев совершения преступлений под непосредственным влиянием впечатления, произведённого виденной казнью или прочитанным её описанием, случаев, указывающих на то, что казнь не только не препятствует, но даже содействует проявлению преступности, толкает, в особенности дефектные психофизиологические организации, на совершение тяжких преступлений» (П, с. 243–244).

«Казнь самим фактом своего существования и применения подрывает уважение к неприкосновенности человеческой жизни, приучает смотреть на лишение жизни, как на нечто возможное, допустимое, и тем развивает жестокосердие, возбуждает и питает кровожадные инстинкты, действует деморализующим образом на население» (П, с. 244). В то же время, по мнению А.А. Пионтковского, «нигде неприменение или окончательная отмена казни не влекли за собой усиления роста тяжкой преступности, не сопровождалась какими-либо вредными для дела борьбы с преступностью последствиями.

Точно так же нигде существование и применение казни не могли задержать роста и развития преступности... если только для этого роста и развития находились соответствующие условия» (П, с. 246).

Пионтковский приходит к выводу: «Казнь, несмотря на весь ужас, обнаруживает, в качестве превентивной меры, своё полное бессилие и ничтожество» (П, с. 247), поскольку «карательная угроза выступает лишь в качестве мотива, противодействующего образованию преступной решимости; она не может и не в состоянии, какой бы суровый характер она не носила, видоизменить психофизиологического уклада... на почве которого вырастают и на который опираются импульсы, толкающие на путь преступлений; она не в состоянии парализовать воздействие тех отрицательных особенностей физико-социальной среды, которые могуче содействуют образованию такого психофизиологического уклада, образованию пригодных для преступной деятельности индивидуальностей» (П, с. 247–248).

Нельзя не согласиться с абсолютно справедливым утверждением автора, что смертная казнь «бессильна устранить в надлежащей степени значение тех особенностей физико-социальной среды, которые выступают в качестве возбудителей импульсов, ведущих к преступной деятельности, и уничтожить обусловленные ими благоприятные для проявления этой деятельности условия» (П, с. 248). Для неё борьба с этими импульсами «представляется непосильной, если она не находит надёжного союзника в психическом укладе преступной личности (а она не всегда его находит)» (П, с. 248). Поэтому «её превентивное значение ничтожно и увеличить это значение усилением репрессии невозможно» (П, с. 248).

Будучи последовательным сторонником в науке уголовного права социологического направления, А.А. Пионтковский писал, что «надёжным и действительным превентивным средством может быть только последовательно и широко проводимая социальная реформа, направленная на устранение разнообразных

недочётов в условиях физико-социальной сферы, содействующих образованию пригодных для преступной деятельности индивидуальностей и создающих соответствующую для проявления этой деятельности обстановку, а не кара вообще и гильотина и виселица, в частности, применение которых может даже... служить импульсом, толкающим на путь кровавых преступлений» (П, с. 248).

Как видно, А.А. Пионтковский отмечал двоякую роль социальных факторов в формировании преступной деятельности, то есть в их воздействии на формирование личности преступника и на его решимость совершить преступное деяние.

«С устранением казни из карательного механизма, – писал он, – та самая по себе незаметная превентивная роль, которая вообще выпадает на его долю, не только не уменьшается, но даже усиливается, так как этим устранением государство своим примером приучает граждан высоко ценить неприкосновенность и ненарушаемость человеческой жизни» (П, с. 248). Не могут служить основанием сохранения казни и интересы общей превенции, так как «невозможно допустить уничтожения отдельных лиц только для того, чтобы этим уничтожением утратить, запугать массы» (П, с. 248).

«Интересы общей превенции, – утверждал он, – не могут иметь решающего значения для удержания в карательном механизме той или иной меры. Такое значение может принадлежать только интересам специальной превенции» (П, с. 248).

А.А. Пионтковский также отмечает, что «казнь, по своему существу, является мерой абсолютной, неизменной, категорически устраняющей возможность какого бы то ни было освобождения и связанного с последним обратного возвращения, хотя бы в отдалённом будущем, в общественную среду» (П, с. 249–250).

Эта особенность «является одним из крупных её недостатков; она не может служить основанием предпочтения её бессрочному заключению, так как эластичность карательных мер, возможность их изменения – их достоинство, а не недостаток» (П, с. 250).

Так А.А. Пионтковский приходит к одному из основных своих выводов о том, что «пользование абсолютными, неизменными карательными мерами даже в борьбе и с закоренелыми злодеями допущено быть не может. Предположение об абсолютной непригодности этих злодеев к общественной жизни – лишь только, быть может... одно предположение, а не бесспорный факт, вследствие чего закрывать им окончательно возможность возврата в отдалённом будущем в общественную среду оснований не представляется. Бессрочное заключение, не устраняющее этой возможности, ввиду этого заслуживает предпочтения перед смертной казнью.

Абсолютный и неизменный характер казни, далее, логически влечёт за собой крайне тяжёлое для надлежащего отправления уголовного правосудия последствие, делающее казнь мерой в высшей степени опасной и вредной.

Это последствие заключается в невозможности причинённого неправильно постановленным смертным приговором вреда» (П, с. 250).

Отдавая предпочтение бессрочному заключению перед казнью, Пионтковский отмечал, что «бессрочное заключение может быть организовано различным способом, и, в зависимости от этой его организации, оно может представлять из себя то могилу для живых мертвецов, то изолятор, не уничтожающий

возможности относительно сносного существования, между тем, как бы ни организовывать порядок исполнения – “по-английски” или “по-французски”, – казнь всегда останется насильственным лишением жизни, сопровождающимся не только физическими страданиями (немучительного способа совершения казни не существует), но и не поддающимися описанию острыми, невыносимыми, тяжкими душевными муками, да и для бессрочного заключения всегда останется, правда, слабый луч, но всё же луч надежды на избавление, а для казнённого... нет возврата» (П, с. 252).

Опровергая аргументы адептов смертной казни о том, что она помогает очищать общество от негодных в социальном отношении элементов, А.А. Пионтковский подчёркивает, что «уничтожение этого рода индивидуальностей не может воспрепятствовать их образованию, росту и развитию (исчезнут одни, появятся при наличии благоприятных условий другие)» (П, с. 253). Казнь не в состоянии служить улучшению человеческой породы. «Придавать казни какое-то моральное значение – значит извращать само понятие морали. Не может существовать морали, допускающей и требующей уничтожения физически и духовно слабых и негодных для социальной жизни существ. Есть только одна мораль – мораль любви, основным догматом которой является заповедь “не убий”», – утверждал он (П, с. 253).

Завершая своё исследование, А.А. Пионтковский указывает, что «нельзя привести никаких достаточных оснований в пользу признания за казнью какого-либо значения для дела как общей, так и специальной превенции, в пользу сохранения её в карательном механизме. <...> *Казнь представляется мерой не только излишней, ненужной, бесполезной, но и вредной, опасной и в этическом отношении недопустимой.*

Казнь не пригодна для борьбы с преступностью не только в качестве меры обычной, ординарной, но и в качестве меры исключительной, экстраординарной» (П, с. 253–254). Далее: «Уголовно-политическая ценность казни – ниже нуля» (П, с. 255).

Таким образом, в своей работе А.А. Пионтковский отразил концептуальное видение проблемы смертной казни в уголовном праве. С его убедительными доводами социального, правового и нравственного порядка в пользу исключения смертной казни из карательного механизма нельзя не согласиться.

Сохранение казни или отказ от неё – вопрос не какой-то частный. Он должен рассматриваться в ряду не только всех карательных мер, но и в структуре всей общественной жизни. Её сохранение и применение привносит жестокость, агрессивность в общественные отношения, умаляет, обесценивает человеческую личность. Известно, например, относительно широкое применение смертной казни в некоторых североамериканских штатах³. Такая практика вольно или невольно сопрягается с причинением смерти людям при малейшем подозрении полицейских о посягательстве на них, с пытками и другими насильственными действиями в отношении заключённых в тюрьмах. Издевательством выглядят оправдания американских властей, что эти пытки, допросы с пристрастием

³ См. <http://ru.knowledgr.com/00263383/СмертнаяКазньВСоединенныхШтатах>

применяются в тюрьмах, расположенных не на территории США, а в других государствах [1].

И спустя более ста лет в учебнике «Уголовное право России. Общая часть» кафедры уголовного права также отмечает, что проблема смертной казни с позиции общества имеет значение принципа, а не практического смысла в плане успешного противодействия преступности [2, с. 514–522]. С позиций высокой морали современного общества смертная казнь неприемлема.

Summary

F.R. Sundurov. Death Penalty – Punishment or Violence: On the Conception of A.A. Piontkovskii, the Professor of Imperial Kazan University.

The paper presents a detailed analysis of the views expressed by A.A. Piontkovskii (1862–1915), the professor of Imperial Kazan University, on death penalty as a form of criminal punishment. Attention is paid to various arguments for death penalty abolishment, which were laid out by A.A. Piontkovskii in his monograph “Death Penalty in Europe” (1908) and remain relevant in our contemporary world.

Keywords: responsibility, criminal law, punishment, death penalty, humanism.

Источники

УК РФ – Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

П – *Пионтковский А.А. Смертная казнь в Европе // Пионтковский А.А. Избр. труды / Сост. Ф.Р. Сундуров, М.В. Талан. – Казань: Казан. ун-т, 2010. – Т. II. – С. 175–256.*

Литература

1. *Кондрашов А. Допросы с пристрастием: Как пытают узников в застенках спецслужб // Аргументы недели. – 2012. – 9 февр. – № 5(297).*
2. Уголовное право России. Общая часть. – М.: Статут, 2009. – 749 с.

Поступила в редакцию
04.05.15

Сундуров Фёдор Романович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.
E-mail: *kafedra.ksu@yandex.ru*